

1. НА ГОРЕ ПИКЕТ

Идут холодные дожди, налетают бешеные порывы ветра, с треском раскалываются старые яблоневые стволы, рушатся в мокрую траву зеленые кроны, усеянные зеленой антоновкой, — и трудно верить собственной памяти, что еще совсем недавно не здесь, в Подмоскovie, а там, на далеком Алтае, над родной деревней Шукшина расстилалось бездонно-голубое небо, в котором сверкал раскаленный добела солнечный пятачок. В густом и яростном потоке зноя, обливавшем и Сропки, и крутолобую вершину Пикет, окруженную густыми березовыми рощами и оттого напоминавшую седовласую главу старого мудреца Сократа, — в этом белом потоке солнечной энергии, словно в бешеной Катюни, плавали и плавались, теряя форму, души и мысли, захлебывались и тонули — и никто уже не был способен на связную и спокойную речь, ибо утопающие, как известно, не говорят, а нечто выкрикивают. Так и выкрикивали свои слова и фразы со множеством восклицательных знаков все выступавшие с эстрады на склоне мудрого лба горы Пикет.

А перед эстрадой, от ее свежих, сверкающих досок к вершине горы, расположившись древнегреческим амфитеатром, стояли плотно, плечом к плечу, десятки тысяч людей, жадно вглядываясь в хорошо знакомые и совсем незнакомые лица почетных гостей, подбегавших, каждый в свой черед, к микрофону эстрады и кричавших нечто краткое, но — от души! Так, исходя криком, проходило центральное событие, посвященное 60-летию со дня рождения Василия Макаровича Шукшина, метко названное одной из газет «шукшинской сходкой». Все помнили последний вопрос-крик Шукшина: «Что с нами происходит?». Все поминали его любимейшего героя — Стеньку Разина, кричали о предателях, связавших и выдавших пророка народной воли. И уже никому не было дела до некогда столь знаменитых и казавшихся едва ли не самыми важными героев — до шукшинских «чудиков».

Когда вся страна, от края и до края, втягивается в перестройку через отчаянную гласность — тогда из тех немногих главных героев, на которых держится художественный мир Шукшина, всем понадобился только один, только вдохновитель и вождь народного восстания. И как не понять было, что в условиях слишком медленной революции «сверху» возникла всенародная тоска по быстрой революции «снизу». Вот на какой волне в дни шукшинского юбилея истинным героем и кумиром стал Разин — атаман, отдавший свой кусок конины голодному рядовому казаку. Вот что врезалось на века. Справедливец — до конца. Правдолюбец! Бунтарь! Нам казалось, будто в высокоом алтайском небе не белое солнце сверкает, но — белые паруса разинских стругов, грозно выплывавших из-за острова на стрежень. Скоро и впрямь под управлением знаменитых братьев Заволокиных (о них сказано: «олицетворяют народную певучую душу») весь Пикет тысячеголос запел эту грозную разбойную песню. И также тысячеголос весь Пикет откликнулся на звонкий крик Валерия Золотухина: «Пока стоит Пикет — русский народ непобедим!».

Жар алтайского солнца перетекал с неба в кровь, закипала кровь, и из горла летел яростный вопль. Белое солнце Шукшина казалось знаменем времени. Но загадки неба как всегда разгадываются на земле. И два дня спустя мы прочли в центральной прессе: «Небывалый зной... властвует над Западной Сибирью. С начала лета всепожирющий огонь прошел уже по огромной территории, уничтожив 260 тысяч гектаров сибирской тайги». А следом на экранах отечественных телевизоров запылали леса юго-восточной

О ШУКШИНСКИХ ДНЯХ НА АЛТАЕ

НА СТРЕЖЕНЬ!

Сропки.
Митинг на горе Пикет.

Фото А. ТЯГНЫ-РЯДНО

Франции, то есть солнце Шукшина обернулось солнцем Ван Гога. И тогда только мы вспомнили, что ведь солнце — одно на всех, и человечество, раздробленное государственными границами, живет все-таки в одном общем Государстве Солнца, чья единоличная королевская власть благотворна, когда жестко ограничена озоном, облаками, тучами и ливнями, а не ограниченная ничем диктатура солнца несет смерть вместо жизни, как всякая диктатура.

Яростное солнце Пикета, безусловно, было знаком. Но то был знак беды. Знамение для всех, не понятное никем. А ведь разинщина уже готова сменить сталинщину! Разве не об этом закричала кровь Сумгаита, Ферганы, Сухуми? Но до сих пор идут бессмысленные споры, надо ли искать улицу, ведущую к Храму. Улицу, которая сама по себе достойна своей цели, обозначили недавно сибирские шахтеры, их улицу я бы назвал Улицей Здравого Смысла. От Сропок до Кузбасса куда ближе, чем до бунтарей XVII века. Но почему же на горе Пикет кричала разинщина и молчал Кузбасс? Может, в этом виноват был и сам Шукшин, столь не любивший всяческого «героизма» и все же оставивший нам в качестве единственного своего героя — Разина? Верно же подметил Георгий Бурков, что у Шукшина «все — оттуда, из разинской темы». Но и другое верно: Шукшин писал в другое время, когда как воздух необходим был кто-то, кто мог бы взбить застой, и беда не Шукшина, а времени, что такого человека он смог разглядеть только в далах российской истории, в Разине, который, как сказал Шукшин, «первый поднял руку на тирана». Оглядываясь вокруг себя, то есть среди нас, Шукшин таких не видел. И сегодня отнюдь не случайно образ Разина в эти юбилейные дни заслонил аж самого Шукшина! Что греха таить: перестройка, восставшая против застоя, сама впадала в застой. Вот и выходит, что Шукшин безошибочно выбрал героя не только для своего, но и для нашего времени.

А ведь мы думали найти совсем другого героя! Может быть, сегодня его можно найти, я надеюсь, в Кузбассе.

2. ДИАЛОГ «ПО ШУКШИНУ»

Если на Пикете званые гости метались между микрофонами, не зная, какие работали на людей, а какие на запись, а десятки тысяч зрителей, лишенные микрофонов и, следовательно, лишенные слова, были обречены выслушивать монологи, гремевшие с «лобного места», то накануне этого великого митинга, еще в городе Бийске, которому в этом же году исполнилось 280 лет, в зале местного драмтеатра, все было иначе: монолог гостей уступил место диалогу сцены и зала, ибо в главном проходе поставили два микрофона и зрители потребовали, чтобы

бался ли поэт? Разве не знало русское православие, хотя бы всплывками, духовного иступления, равного католическому, в борьбе с еретиками? Вспомним митрополита Иосифа Волоцкого, добившегося согласия царя на сожжение «нестяжателей». Вспомним протопопа Аввакума, благословившего старообрядцев на массовое самосожжение. И кажется мне, что ближе поэта к пониманию русского характера был философ Николай Бердяев, утверждавший кричащую полярность как самобытность русского характера. Об этом очень кстати сказал нам Глеб Горышин, размышляя именно о Шукшине. Впрочем, бердяевская мысль освещала, думается мне, уже «Печальный детектив» Виктора Астафьева, но все же неправильно высказанное кем-то мнение, будто Шукшин больше всего и мучился этими неразрешимыми русскими «перепадками». Нет, правильнее сказать, что сам Шукшин был воплощением этих противоречий и не мучился ими, а жил в них. И даже любовался ими как огромным богатством русской души! А мучение его оттого было, что и в «застойные времена», и даже во времена великих смут и перемен это душевное и духовное русское богатство оставалось невостребованным до конца: его всегда было больше, чем было нужно государству. Вспомним, что даже воистину мудрый царь Алексей Михайлович, сильно поколебавшись, все же отторгнул от себя великого Аввакума и пригнул у трона маленького Симеона.

Впрочем, разве в том же, XVII веке не разыгралась подобная же трагедия и в куда более просвещенной Франции между Людовиком XIV и Мольером? Гении не любят деспотов, но ведь и деспоты платят гениям той же монетой.

Внутренняя неудовлетворенность — не в этом ли «сокрытый двигатель» русского человека, далекого от практических «маленьких справедливых норм» (Шукшин)? Не в этом ли весь смысл мучений и вся боль всех щедро одаренных героев Шукшина — от трогательных «чудиков» до трагичных «воров и разбойников»?

А в зале Бийского драмтеатра, уже поставившего все пьесы Шукшина, а также и романы о Разине, и «Любовины», и «До третьих петухов», схватка мнений разделила участников встречи: терпимость разбивала себе лоб о нетерпимость. «Душа изболелась, и каждый хочет высказаться, хочет учить других, как его самого учили все, кому не лень, — верно заметила Ренита Григорьева, кинорежиссер, и добавила: — И каждый кричит, что истина — у него!» Одним словом, в зале драмтеатра бушевала «шукшинская жизнь», к микрофонам рвались, не подозревая этого о себе, истинно шукшинские герои — никак не менее, чем благодетели человечества! И если все же в зале нашелся один смельчак, осмелившийся пристыдить земляков, призвать их к деликатному обращению с гостями, то этим смельчаком оказался бывший фронтовик.

Но «линия фронта» не совпадала с линией ramпы. Если в зале нашлись союзники тех, кто говорил со сцены, то на сцене нашлись союзники зала. Философ Евгений Черновитов возражал зло и категорично: «Я не разделяю веру Крупина! Моей вере, как и вере Шукшина, не одна тысяча лет, а куда больше!» Но московскому философу спокойно и вдумчиво возразил человек с другого берега океана: на ломаном русском языке американец Роберт Манн тонко и конкретно проследил в творчестве Шукшина мастерское воплощение многообразной христианской символики. Еще до Бийска, в Барнауле, в университете, где состоялась научная конференция, примерно на ту же тему выступала алтайская исследовательница С. М. Козлова, выступала содержательно, но все-таки позиция американца была свободнее, он анализировал как бы не только текст, но само мировоззрение Шукшина.

О вере, о разрушаемых на наших глазах невидимых духовных храмах мучительно размышлял Георгий Бурков, связавший нынешний провинциальный уровень нашего киноискусства с потерей им, этим искусством, русской национальной самобытности. И как жаль, что секретарь правления Союза кинематографистов Андрей Смирнов, отвечая знаменитому артисту, ближайшему другу Шукшина, не проявил понимания поставленной трагической проблемы...

На нынешнем средневропейском, провинциально-кинематографическом фоне знаменителен был успех у шукшинских земляков нового фильма Сергея Никоненко «Елки-палки» — фильм актера, открытого Шукшиным, фильм, снятый по рассказам Шукшина. Фильм, с мягким юмором вызывающий к душе, фильм — талантливая вариация в стиле раннего Шукшина, автора книги «Сельские жители» и фильма «Живет такой парень».

Василий Макарович Шукшин писал своей сестре Наталье Макаровне: «Я люблю

им дали говорить с гостями на равных, через одного.

И случилось то, что было легко предугадать: провинциальный театр закипел, словно столичный Дворец съездов. Форма диалога, излюбленная Шукшиным и утвержденная им в бесконечной цепи рассказов, мгновенно и до краев наполнилась огненной магией — схваткой мнений, в точности, как это было в знаменитом шукшинском рассказе «Срезал»: местные «срезали» приезжих, рядовые — знаменитых. Все было похоже, но все было гораздо серьезнее, чем в литературе. Писатель Владимир Крупин и кинорежиссер Андрей Смирнов призывали бушующий зал к христианскому благоразумию, а в них из микрофона в зале неслось яростное: «Не надо нам проповедей христианства! Хватит!».

И с недоумением я вспомнил пушкинское: «Я знаю дух народа моего: в нем набожность не знает иступленья...». Здесь, в Бийске, дух народа был не набожным, но иступленным! Уж не оши-

в тебе, что ты русская». Стоит ли удивляться тому, что мы уже не заполняем залы театров и кинотеатров, — ведь мы любим то, чего не находим там. Кто-то на этом бийском ристалище призвал: «Вступим на гору Пикет с миром в сердце!». Но призыв не был услышан, не было мира под яростным солнцем на горе Пикет. И как примириться с тем, что русское на глазах перестает быть русским?!

3. ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ?

Как я уже сказал, в самые первые дни юбилея в Барнауле состоялась научная конференция, на которой, конечно же, прозвучал расхожий тезис о том, что Шукшин «опередил свое время». Попытки «украсить» Шукшина этим традиционным венком, на мой взгляд, объясняются исключительно тем, что научное изучение творчества Шукшина только начинается. География съехавшихся на Алтай ученых необыкновенно широка, но, за редкими исключениями, участники конференции обратились к Шукшину едва ли не накануне самой конференции. Вот почему были и точные догадки, и непонимание глубокого своеобразия Шукшина как художника, жившего всем своим существом в своем времени и для своего времени. Я бы сказал, что Шукшин был писателем без будущего, поскольку для него судьба будущего решалась в настоящем, под его пером и прошлое становилось инобытием настоящего. И вопросы, поставленные Шукшиным, взяты у реального времени, а не у прошлого и не у будущего. Да, в разбросанных записях Шукшина сказано: «Важно провратиться в будущую Россию». Но я разделяю осторожность Глеба Горышина, который так комментировал эти шукшинские слова: «Прорвался ли, предвидел ли, как далеко мы шагнем через 15 лет после него? (Если глядеть из 74-го года?) Не знаю, не берусь утверждать».

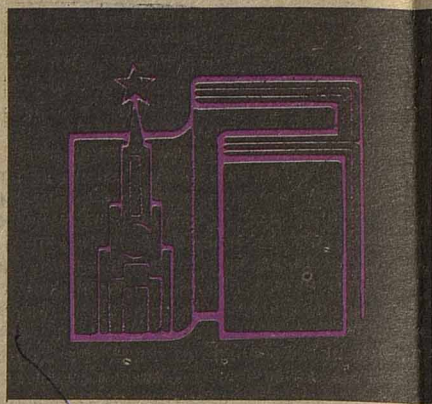
Думаю, у Шукшина была другая, отнимавшая все силы задача: прорваться к правде своего времени! А правду скрывали под блеском официальной лжи о «развитом» и «реальном» социализме. Более того, найдя правду, нельзя было прямо и открыто сказать правду, а нужно было, как говорил Шукшин, найти способ, чтобы высказать правду. Шукшин нашел свой, неповторимый и до сих пор незагаданный способ писать только правду в то время, когда правда осуждалась в публикуемых газетах «письмах земляков», — таких «писем» не избежали ни Александр Яшин, ни Федор Абрамов, а Василий Шукшин на такое «письмо» в алтайской газете отреагировал так: «Гад! Я же люблю вас!».

Вот почему Правда стала для Шукшина даже не мерилом, а синонимом Нравственности. Правда была целью и средством, правда должна была сверкать и обжигать, как сверкало и обжигало яростное солнце над Пикетом! Но мы-то уже пятый год живем в условиях расширяющейся гласности! И в бушующем вокруг нас океане правды мы уже тоскливо, порой растерянно выискиваем на горизонте спасительный свет маяка истины! Вот и выходит, что в сфере духовно-художественного творчества время как бы перевернулось: если для Шукшина искомой нравственностью была правда, то для нас искомой правдой стала нравственность. И с какой нравственностью нам жить дальше — вот наш вопрос к современному художнику, к современному русскому искусству. Но если это так, то всякий разговор о том, будто Шукшин «предвидел» и «опередил», — отпадает. Шукшин был голосом своего времени, на протяжении всего своего времени, поэтому он начал с «чудика» Пашки Колокольникова, а кончил «вором и разбойником» Егором Прокудиным, поэтому же у Шукшина не было и не могло быть никакой розовой водички, никакого «исторического оптимизма», а был у него стремительно нарастающий, как обвал в горах, трагизм художника, осознавшего яснее других: «Мы распустили нацию, нам предстоит большой труд — собрать нацию».

И Шукшин — собирает нацию. Это показал 50-тысячный митинг на горе Пикет, что возвышается над Сросками. Это показал и маленький, но необыкновенно сердечный митинг по поводу открытия памятника писателю Шукшину на улице имени Шукшина в городе Барнауле. Непрофессиональный скульптор, но человек, влюбленный в Шукшина, создал этот памятник. Заводской художник Николай Зонков показал Василия Макаровича в минуту жизни добрую — и Наталья Макаровна низко поклонилась своему брату, отлитому в бронзе...

Генрих МИТИН

СРОСТКИ — БИЙСК —
БАРНАУЛ — МОСКВА

В. МОДЕСТОВ,

заместитель директора
по творческим вопросам:

— В творческом отношении нас больше никто не ограничивает. Прежним остался лишь диктат производства: не отвечающие современным требованиям полиграфическое оборудование, дефицит бумаги и картона, плохой клей и краски сужают замыслы. Необходимо нам и своя типография.

К сожалению, сегодня не закреплено издательское право — другое издательство может без разрешения просто перепечатать нашу книгу, не проведя огромной поисковой, текстологической работы, и получить деньги.

Мы подписали договор с сотрудником «Нового мира» В. Борисовым — доверенным лицом А. Солженицына, чтобы выпустить у себя в экстресс-издании, то есть сразу же вслед за журнальной публикацией, романы А. Солженицына «В круге первом» и «Раковый корпус».

Экстресс-изданиям вышли произведения Б. Зайцева, Е. Заматина, М. Булгакова, Ю. Домбровского и другие.

Наши достижения последних дней — это книга «Человеческий опыт»: произведения советских и американских писателей. Это не коммерческая, скорее — культурная акция на паритетных началах. Такая же книга вышла в Америке на английском языке стоимостью 20 долларов. А наша стоит 2 рубля, хотя издавать ничуть не хуже. Впервые мы издали собрание сочинений Д. Остин, иллюстрированное английскими художниками прошлого

О проблемах, планах, перспективах издательства «Молодая гвардия» рассказывает в беседе с корреспондентом «Литературной России» его генеральный директор Валентин Федорович ЮРКИН.

— «Молодая гвардия» — издательство универсальное, ведь широк мир интересов молодежи, разнообразны ее запросы, потребности, поиски. В самой идее нашего издательства, созданного еще при жизни В. И. Ленина и призванного помочь юношеству овладеть всей той культурой и знаниями, которые выработало человечество, и заложен этот универсализм.

Сегодня книгоиздательский диапазон «Молодой гвардии» уникален. Каждая вторая книга в стране, адресованная молодежи, — молодоговардейская, а в общем тираже таких изданий доля нашего издательства составляет 65 процентов.

Явлениями культурной жизни давно стали многие молодоговардейские серии, библиотеки, циклы. Не одно поколение юношества выросло на наших книгах. Широкою известностью пользуются серии «Жизнь замечательных людей» — создано уже свыше 700 биографий; «Эврика» — 300 томов; «Библиотека «История Отечества» в романах, повестях, документах» — 25 томов; «Библиотека молодой семьи» — 20 томов. Я называю наиболее крупные. А всего мы ведем 40—45 постоянных серий и библиотек. Недавно появилась новая поэтическая серия — «XX век: поэт и время». Она интересна и по именам, и по форме.

Поскольку меняется уровень молодежной книги, спрос на нее постоянно растет.

К сожалению, ситуация с бумагой в стране привела к обострению дефицита на молодежную книгу. В сфере обеспечения запросов молодежи продолжает действовать остаточный принцип. Уже более 20 лет молодежное книгоиздание не растет по объемам, спрос на ряд изданий в 10 и более раз превышает предложение. Мы не раз ставили эти вопросы перед государственными органами и ведомствами, которые, несмотря на острый характер проблемы, остались глухи.

— Процессы, происходящие в обществе, не могут не влиять на книгоиздание. Что нового появилось в «Молодой гвардии»?

— Перестройка для нас открыла много

VII МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ

КНИЖНАЯ ЯРМАРКА

12 сентября в Москве начала работу седьмая Московская международная книжная ярмарка.

Приветствие М. С. Горбачева участникам и гостям Московской международной книжной ярмарки огласил председатель оргкомитета ММКЯ-89, председатель Государственного комитета СССР по печати Н. И. Ефимов.

Были также оглашены приветствия Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра, генерального директора ЮНЕСКО Ф. Майора.

На открытии присутствовал заведующий Идеологическим отделом ЦК КПСС А. С. Капто.

Необычна и масштабна представленная экспозиция. Она разместилась в четырех павильонах. На стендах тысячи изданий на разных языках всех континентов.

«ХУДЛИТ»: ПРОБЛЕМЫ, НОВИНКИ, ЗАМЫСЛЫ

«Художественная литература» — издательство, выпускающее книги всех времен и народов земли: от гомеровского эпоса и «Слова о полку Игореве» до романов Шолохова и Фолкнера.

Только с 1946 года издательство выпустило в переводе на русский язык книги, созданные на 133 языках народов мира, в том числе на 49 языках народов СССР. Уникальная 200-томная Библиотека всемирной литературы, выпущенная издательством в 1967—1977 годах, содержит 25800 произведений 3235 авторов более 80 стран мира.

Издательство имеет Ленинградское отделение и наряду с книгами выпускает журналы «Москва», «Нева», «Звезда», «Детская литература», а также «Роман-газету».

В издательстве ежегодно выходит около 350 названий книг общим тиражом свыше 85 миллионов экземпляров.

Перестройка поставила перед «Художественной литературой» новые задачи. О сегодняшних проблемах издательства, о новинках и замыслах рассказывают его ведущие сотрудники.

века и оснащенное иконографическим материалом конца XVIII — начала XIX века, который нам любезно предоставила английская сторона.

Мы развиваем деловые творческие связи с издателями многих стран: вышли книги, подготовленные совместно с издателями Югославии, Чехословакии, Швеции.

С. КНЯЗЕВА,

заведующая редакцией
русской классической
литературы:

— Получив большую самостоятельность, мы стали думать, как обновить подачу классики. Так родилась серия «Забитая книга». Сейчас в редакторском портфеле более трехсот предложений. В новую серию включены произведения известных в свое время лубочных писателей прошлого века — Комарова, Зряхова, Касси-

рова, а также «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» И. Сахарова. Собираемся издать роман Ф. Соллогуба «Творимая легенда» и З. Гиппиус «Живые лица» — портреты современников. Издадим Л. Гроссмана — его «Записки д'Аршиака», написанные от имени секунданта Дантеса. Есть заявка на издание Ф. Крюкова, известного журналиста, автора книги очерков о жизни донских казаков. И. Беллюстин, Ф. Булгарин, Пимен Карпов, «подсказанный» нам «Литературной Россией», Н. Костомаров — их книги также выйдут в ближайшие два года. Мы работаем без всяких схем: поступает интересное предложение — отодвигаем менее интересное.

ИНТЕРВЬЮ «ЛР»

ежегодники «Поиск: Человек, закон, истина», «Пульс».

Освещению «белых пятен» истории и переосмыслению ряда сложившихся исторических концепций посвящены книги новых серий «Исторические портреты», «Памятные даты истории». Разрабатываются серии «Из комсомольского архива», «Ратная летопись Отечества».

Рассказать коротко обо всех новинках и задумках просто невозможно.

Валентин Федорович, как вообще рождаются новые книгоиздательские идеи, кто их автор?

— Хорошую идею может дать автор.

Большим творческим потенциалом обладает наш редакторский корпус. В издательстве, как в оркестре, иногда трудно определить автора идеи, ведь наше дело — коллективное. А тем более иногда проходят годы, пока идея воплотится в жизнь.

Сейчас заметно усилился интерес молодежи к философии. Начали обсуждать эту проблему. Вдруг однажды наткнулись на протокол заседания главной редакции десятилетней давности, из которого явствует, что тогда эта идея обсуждалась, но руководство посчитало, что молодому издательству не следует заниматься философией. Идея не пошла. Времена изменились, и на этот раз все те материалы мы передали в редакцию политической литературы, самую молодую, яркую, работающую с желанием и талантом, и после горячих дискуссий появилась серия «Дороги человеческой мысли» — это своеобразная энциклопедия мировой философской мысли для молодежи. Скажите, кто автор?

РИСК И ТЕМП ЛАН